

РСТ

РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XIII

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XIII

ГЕРМАНИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА В ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫХ КОНТЕКСТАХ

ХІІІ СЪЕЗД РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД, 26—28 НОЯБРЯ 2015 ГОДА

Организаторы:

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) в Нижнем Новгороде
Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н. А. Добролюбова*

Издательский Дом ЯСК
Москва 2016

УДК 821.112.2.0

ББК 80

Р 88

Редколлегия:

Н. С. Бабенко (отв. редактор лингвистической части)

Н. А. Бакиш (отв. редактор литературоведческой части)

А. В. Белобратов, Г. И. Данилина, А. И. Жеребин, Д. Кемпер, Л. А. Нефедова,

Н. В. Пестова, Л. Н. Полубояринова, Н. Н. Трошина

Рецензенты:

д.ф.н. *К. Г. Красухин* (Институт языкознания Российской академии наук)
д.ф.н. *Н. С. Павлова* (Российский государственный гуманитарный университет)

Р 88 Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 13. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 344 с.

ISBN 978-59908826-1-4

В настоящий ежегодник включены тексты докладов тринадцатой конференции Российского союза германистов «Германистика и компаративистика в междисциплинарных контекстах», на которой были представлены литературоведческие и лингвистические доклады по проблемам, связанным с компаративными подходами к изучению разнообразных явлений в немецкоязычной литературе и в немецком языке. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам конференций, проводимых в рамках РСГ. Включенные в сборник статьи отражают современное состояние исследовательской деятельности отечественных германистов в разных областях германской филологии.

УДК 821.112.2.0

ББК 80

ISBN 978-5-9908826-1-4

9 785990 882614 >

© Авторы, 2016

© Издательский Дом ЯСК, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	9
-------------------	---

Литературоведение

<i>Н. Э. Гронская, В. Г. Зусман.</i> Метакомпаративная германистика: постановка проблемы	13
<i>Н. А. Бакиш.</i> Отчет о конференции. «Компаративистика вне языковых различий. Сравнительное литературоведение внутри одного языкового пространства. К концепции компаративистики лингвогетогенных литератур»	24
<i>Б. А. Дюбо.</i> Аксель Оксеншерна, нехаризматичный литературный персонаж и влиятельный член языкового общества	35
<i>А. Е. Лобков.</i> Шекспир в Швейцарии XVIII века	50
<i>Д. Д. Черепанов.</i> «Не из числа смертных»: один аспект полемики Й. фон Эйхендорфа с йенскими романтиками	57
<i>Л. Н. Полубояринова.</i> О некоторых аспектах рецепции И. С. Тургенева в Австрии	64
<i>А. П. Склизкова.</i> Жанр <i>Legendenspiel</i> как межкультурный трансфер в драме Г. Гауптмана «Заложница Карла Великого»	72
<i>А. И. Жеребин.</i> О литературном комплексе психоанализа: Фрейд и эстетика модернизма	80
<i>Ю. Л. Цветков.</i> Музыкальное начало «Бетховенского фриза» Густава Климта и оперы Р. Штрауса — Г. фон Гофманстала «Кавалер розы»	91
<i>Н. В. Пестова.</i> Характер фантастического в раннем австрийском экспрессионизме	100
<i>Е. А. Сакулина.</i> <i>Dichtung und Gestalt im poetischen Werk von Else Lasker-Schüler (zur Rezeption des Gedichts "Ein alter Tibetteppich")</i>	110
<i>В. В. Котелевская.</i> Изобретение языка: деконструкция и реконструкция красноречия в поэтике Бернхарда и Беккета.....	114
<i>Г. Г. Ишимбаева.</i> Поэтика культуры в романе Г. Грасса «Жестяной барабан»	122
<i>М. С. Потёмкина.</i> Литература ГДР и ФРГ после объединения: опыт интеграции	130
<i>Е. В. Соколова.</i> Дискурс травмы в литературе Германии 2010-х годов: (П. Шнайдер и П. Лео).....	138

Лингвистика

<i>Р. С. Аликаев.</i> Формирование идей лингвофилософской концепции языка в раннем немецком Просвещении (сравнительный аспект).....	147
<i>О. В. Байкова, Ю. В. Березина.</i> Речевое поведение российских немцев в условиях иноязычного окружения: социально-демографический аспект	162
<i>Е. В. Беспалова.</i> Концепт ЛЕС / WALD в русских и немецких фразеологизмах и паремиях	168

<i>О. И. Быхова.</i> Междисциплинарная направленность диамедиальной вариативности немецкоязычной лексики	177
<i>Т. В. Гречушиникова.</i> Национальная специфика vs интернациональная коммуникация: компаративистский взгляд на экспериментальный поэтический текст	186
<i>С. И. Дубинин.</i> Эволюция вокабуляра «Солдата Восточного фронта» (на материале изданий “Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch”).....	197
<i>О. А. Кострова.</i> Ономастическая система немецкого города в свете концепции устойчивого развития (к постановке проблемы).....	213
<i>И. В. Матвеева.</i> Сравнительный анализ немецких и русских пословиц поля «ДЕНЬГИ».....	222
<i>Ж. В. Никонова.</i> Иллокутивная структура сложных речевых актов в сопоставительном аспекте	230
<i>И. С. Парина.</i> Фразеологические и дефразеологические дериваты: проблемы поиска и описания	239
<i>И. Р. Перевишина.</i> Суффиксы субъективной оценки прилагательных в системе немецкого и русского языков (контрастивный, переводоведческий и лингвокультурологический аспекты).....	246
<i>Е. В. Плисов.</i> Конфессиолекты в современном немецком религиозном дискурсе	255
<i>А. С. Полевщикова.</i> Языковая игра в научно-популярном тексте: переводческий аспект	266
<i>Р. М. Скорнякова.</i> Деривационный потенциал политических неологизмов (на примере сокращения <i>Pegida</i>).....	274
<i>Н. Н. Трошина.</i> Дискурсообразующая роль концептов (на примере концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА в западно- и восточногерманских речевых практиках).....	281
<i>W. Jamschanova.</i> Toleranz und Duldsamkeit (deutsch-russische Parallele).....	292

Рецензии

<i>Р. С. Аликаев.</i> Рец. на: <i>Бондарко Н. А.</i> Немецкая духовная проза XIII—XV веков: язык, традиция, текст. СПб.: Наука, 2014. — 674 с.	301
<i>N. Babenko.</i> Рец. на: <i>Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires, Jürgen Wolf</i> (Hg.). Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken in russischen Bibliotheken. Beiträge zur Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 14. bis 16. September 2011 an der Lomonossov-Universität Moskau aus Anlass des 300. Geburtstages des Universitätsgründers Michail Lomonossov. Erfurt, 2014. 280 s.	304
<i>С. И. Дубинин.</i> Рец. на: <i>Сквайфс Е. Р.</i> Ремесленная терминология в древнегерманских языках. М.: МГУ, МАКС-Пресс, 2015. — 145 с.	311
<i>Т. В. Топорова.</i> Рец. на: Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет Божества. Перевод и исследования / Автор-сост. Н. А. Ганина; пер. со ср.-верх.-нем., коммент. Н. А. Ганиной; статьи Н. А. Ганиной, Найджела Ф. Палмера. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. — 424 с., ил. (Сер. «Славяно-германские исследования». Т. VII).	314
<i>В. В. Котелевская.</i> От риторической эпохи к закату постмодерна: разомкнутая история немецкой литературы. Рец. на: История немецкой литературы: Новое и Новейшее время / Под ред. Е. Е. Дмитриевой, А. В. Маркина, Н. С. Павловой. М.: РГГУ, 2014. — 808 с.	320

- Г. И. Данилина. Пространство немецкой эмиграции в структуре романного жанра. Рец. на: *Поршнева А. С.* Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930—1970-х годов (Э. М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. — 306 с. 326
- Г. И. Данилина. «Фауст» и морфология культуры. Рец. на: *Васильева Г. М.* «Фауст» Гёте и семантический комплекс европейской культуры. Монография. Ч. 1. Новосибирский гос. ун-т экономики и управления. Новосибирск: НГУЭУ, 2012. — 604 с.; *Васильева Г. М.* Семантический комплекс культуры и «Фауст» Гёте. Идеи и образы. Ч. 2. Saarbrücken: LAP Lambert, 2016. — 346 с. 328
- А. Е. Лобков. Книжная культура Северной Германии XV—XVI вв. Рец. на: *Багровников Н. А.* Диалог традиций и новаторства в ксилографиях Любекской Библии: монография. Н. Новгород: НГУ, 1999. — 247 с.; *Багровников Н. А.* Памятники книжной культуры Нижней Германии эпохи Возрождения и Реформации: монография. Н. Новгород: НГЛУ, 2013. — 116 с.; *Багровников Н. А.* Ганс Лувфт и его время: монография. Н. Новгород: Гладкова О. А., 2015. — 209 с. 331
- А. В. Белобратов. И это все о нем: опыт коллективной монографии. Рец. на: *Андреюшкина Т. Н., Елисеева А. В., Ишимбаева Г. Г., Куцумова Г. В., Майснер Ф., Москалюк А. В., Тихонова О. В., Цветков Ю. А.* Проза Кристиана Крахта: коды постмодернизма. Монография. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2015. — 243 с. 336
- Н. Бакиш, А. Жеребин. Рец. на: *Jürgen Lehmann.* Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart [Русская литература в Германии. Ее рецепция в творчестве немецкоязычных писателей и критиков XVIII—XX веков]. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 2015 341

ОТ РЕДАКЦИИ

13-й съезд Российского союза германистов, посвященный теме «Германистика и компаративистика в интердисциплинарных контекстах», состоялся 26—28 ноября 2015 г. в Нижнем Новгороде. В работе съезда приняли участие около 90 докладчиков из разных городов России, а также коллеги из Германии, Австрии и Латвии. Пленарные и секционные заседания проходили в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в Нижнем Новгороде и в Нижегородском государственном лингвистическом университете имени Н. А. Добролюбова. Президиум РСГ благодарен сотрудникам университетов, взявшим на себя труд по организации и проведению съезда.

Большая часть докладов, прозвучавших на съезде, публикуется в предлагаемом Вашему вниманию тринадцатом томе «Ежегодника РСГ». На сайте РСГ будут представлены данные обо всех опубликованных работах.

Статьи, представленные в *литературоведческом разделе*, охватывают широкий спектр вопросов, связанных с компаративистикой и интердисциплинарностью, как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Открывают литературоведческий раздел две теоретические статьи. Статья Э. Гронской и В. Г. Зусмана посвящена метакомпаративной германистике, пограничной науке, «объединяющей принципы сопоставительной работы германистов-историков, политологов, экономистов, философов, лингвистов, литературоведов». Н. А. Бахши в своем отчете задается вопросом о возможности компаративистики вне языковых различий, то есть внутри одного языкового пространства. К этому вопросу в практическом его приложении обращается также М. С. Потемина, рассматривая проблематичный опыт объединения ГДР и ФРГ и рожденную в результате этого «брака» литературу.

Рецепции отдельных писателей в иноязычном культурном пространстве посвящены доклады А. Е. Лобкова и Л. Н. Полубояриновой. О типологическом сближении на примере Т. Беккета и Т. Бернхарда пишет В. В. Котелевская. Инокультурное влияние на немецкоязычную литературу исследуют в своих статьях Н. В. Пестова и Б. А. Дюбо.

В рамках интердисциплинарной тематики находятся статьи А. И. Жеребина, рассматривающего «литературный комплекс» психоанализа; Ю. Л. Цветкова, пишущего о музыкальном начале «Бетховенского фриза» Густава Климта и оперы Р. Штрауса — Г. фон Гофмансталя «Кавалер розы», а также Д. Д. Чеперанова, определяющего черты поэтики Й. фон Эйхендорфа с позиций русской религиозной философии.

К диалогу различных культур внутри одного произведения обращаются Г. Г. Ишимбаева на примере «Жестяного барабана» Г. Грасса; А. П. Склизкова на примере «Заложницы Карла Великого» Г. Гауптмана; Е. А. Сакулина на примере одного стихотворения австрийской поэтессы Эльзы Ласкер-Шюлер.

Е. В. Соколова исследует литературу Германии 2010-х гг. с позиций междисциплинарной области знания «trauma studies», существующей «на стыке философии, истории, социологии и психоанализа».

В *лингвистическом разделе* Ежегодника представлены статьи по широкому кругу проблем, связанных с изучением немецкого языка отечественными германистами.

Многие статьи выполнены в компаративном ключе с привлечением материала русского языка. Е. В. Беспалова и И. В. Матвеева обращаются к фразеологизмам и пословицам, И. Р. Перевышина анализирует фрагмент системы суффиксальных средств, Т. В. Гречушникова рассматривает сквозь призму компаративистского подхода особенности экспериментальной поэзии, В. А. Ямшанова сравнивает развитие понятийной пары Tolерanz/толерантность — Duldsamkeit/терпимость в двух языках. Проблематика, связанная с формированием дискурсов, отражена в статьях Е. М. Плисова («Конфессиолекты в современном немецком религиозном дискурсе») и Н.Н.Трошиной о дискурсообразующей роли концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА. Явления дериватологии рассматриваются в статьях И. С. Париной на материале фразеологии и Р. М. Скорняковой на материале политического неологизма PEGIDA. Особенности формирования лингвокультурной концепции в раннем немецком Просвещении посвящена статья Р. С. Аликаева.

Иллокутивная сила сложных речевых актов рассматривается в статье Ж. В. Никоновой. Вариативность лексики немецкого языка рассматривается в статье О. И. Быковой в аспекте изменчивости языковой дифференциации.

Новые для отечественной германистики темы представлены в статьях С. И. Дубинина («Эволюция вокабуляра “солдата Восточного фронта”»), О. А. Костровой об ономастической системе немецкого города Штутгарта, а также А. С. Полевщиковой, анализирующей явления языковой игры в научно-популярных текстах.

Проблемы внутренней германистики отражены в совместной статье О. В. Байковой и Ю. В. Березиной о речевом поведении российских немцев в условиях иноязычного окружения.

В сборнике представлены 10 рецензий на работы последних лет в области литературоведения и лингвистики. При этом акцент сделан на трудах коллег из регионов, чьи важные исследования не всегда оказываются доступны широкому кругу заинтересованных читателей, а также на фундаментальных работах, отражающих новейшие достижения отечественной германистики и ее приоритетные направления.

Президиум РСГ благодарит за поддержку Немецкую службу академических обменов (DAAD, Бонн) и Австрийский культурный форум при Посольстве Австрии (Москва).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н. Э. ГРОНСКАЯ, В. Г. ЗУСМАН

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)

МЕТАКОМПАРАТИВНАЯ ГЕРМАНИСТИКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Хорошо известно, что новое знание рождается на границах различных дисциплин. Такова и современная германистика, мультидисциплинарная научная парадигма, обладающая метакомпаративным потенциалом.

Категория «границы» — одна из центральных и вместе с тем спорных категорий метакомпаративистики. Несомненно, «пограничное» знание — явление творческое, однако чреватое дилетантизмом. Метакомпаративной германистике угрожают приблизительность и необязательность, зачастую свойственные исследователю пограничного знания.

Мы с трудом вмещаем зоны пересечения разных наук. Исследования на границе ведут нередко к размыванию частного конкретного знания, порождая метазнание, реальное и иллюзорное одновременно. По природе своей метазнание, знание на границах, может быть как псевдопродуктивным, так и весьма продуктивным.

Метакомпаративная германистика — компаративистика компаративистик, объединяющая принципы сопоставительной работы германистов-историков, политологов, экономистов, философов, лингвистов, литературоведов. Метакомпаративная германистика — метанаука о «переводах» и переходах знания из одного смыслового поля в другое.

Метакомпаративная германистика — частный случай метакомпаративистики. Метакомпаративная германистика выходит за границы привычно очерченных предметных полей. Междисциплинарное знание отнюдь не всегда является знанием беспредметным.

Переход знания через границу сигнализирует о смене дискурса. Переходя границу исходного дискурса, явление может превращаться во что-то иное, возвышаясь над предыдущей данностью, предыдущей конкретикой.

Сегодня оказываются востребованными такие аспекты частных областей знания, которые устремлены к общему смыслу. Отдельное,

частное знание интересно сегодня не в своей отделенности и отдельности, а в конфигурациях и взаимосвязях смыслового целого. Так, характеризуя принцип музыки, А. Ф. Лосев писал о «всеобщей и нераздельной слитости и взаимопроникнутости» часто противоположных и «самопротиворечивых» частей» [Тахо-Годи 1993: 18]. В метакомпаративной германистике слиты как раз такие «самопротиворечивые части». С точки зрения метакомпаративной германистики история, юриспруденция, экономика, политология, философия, музыковедение, переводоведение, лингвистика и литературоведение предстают в их взаимопроникнутости, если эти дисциплины с разных сторон освещают одну и ту же проблему. Так, например, А. А. Блок соотносил Революцию и музыку Р. Вагнера: «Вагнер все так же жив и все так же нов; когда начинает звучать в воздухе Революция, звучит ответно и Искусство Вагнера; его творения все равно рано или поздно услышат и поймут; творения эти пойдут не на развлечение, а на пользу людям; ибо искусство, столь “отдаленное от жизни” (и потому — любезное сердцу иных) в наши дни, ведет непосредственно к практике, к делу; только задания его шире и глубже заданий “реальной политики” и потому труднее воплощаются в жизни» [Блок 1936: 62]. «Ответ» Искусства Революции — один из мотивов метакомпаративистики. Подобные резонансы, отклики, ответы составляют основу полидискурсивного события.

«Метакомпаративистика» исследует компаративистики отдельных наук в аспекте их «взаимопроникновения». Эту дисциплину интересует диалог и конфликт часто «самопротиворечивых частей» знания. Метакомпаративистика как таковая сфокусирована на изучении механизмов сопоставления разнородных дискурсов с общей фактологической основой. А потому ее можно назвать «компаративистикой компаративистик», изучающей сопоставление однонаправленных разноприродных дискурсов [Наурт 2013: 234].

«Слитость» и «взаимопроникновение» различных дискурсов — результат их встречи, диалога или конфликта, с последующей переменной состоянием. Перемена состояния объясняется переходом дискурсов через границу и последующей трансформацией во что-то иное.

Метакомпаративистика открывает, по-видимому, новые возможности для понимания термина «дискурс». Дискурс открывается как динамическая, конкретная и вместе с тем обобщенная открытая коммуникативная ситуация. Дискурс — это пространство конфликта и диалога «самопротиворечивых» смысловых элементов. В результате разрозненные фрагменты знания начинают вступать во взаимодействие друг с другом.

В гуманитарной области дискурс — это текст в движущемся контексте. Термин «дискурс» имеет длительную и сложную историю. Дискурс как целое рассматривается А. Ж. Греймасом и Ж. Курте в их работе «Семиотика. Объяснительный словарь». Здесь даются частные и наиболее общие концепции этого социокультурного фе-

номена. Производство того или иного дискурса авторы понимают как «... последовательно осуществляемый выбор возможностей, прокладывающий себе путь сквозь сетку ограничений (*contraintes*)» [Греймас, Курте 1983: 493]. В этом контексте метакомпаративистика — дисциплина о сопоставлении «возможностей» и «ограничений» разных дискурсов, связанных общей фактологической основой. Так, например, исторический, политический, географический, архитектурный или литературно-художественный дискурсы нью-йоркской статуи Свободы открывают различные точки зрения на этот памятник, являющийся одним из важнейших символов Америки.

Так, при сопоставлении статуи Свободы (*Statue of Liberty*) в географическом, политическом, социокультурном дискурсах открываются дополнительные смысловые грани этого символа. Примечательно уже само полное название статуи — «Свобода, озаряющая мир» (*Liberty Enlightening the World*). На этом фоне особое значение приобретает перспектива, с которой ее разглядывает Карл Росман, герой неоконченного романа Ф. Кафки «Исчезнувший» («Америка», 1911—1914). Как известно, он видит статую Свободы с мечом в руке. Этот образ свидетельствует о противоречивости символа, входящего в разные дискурсы.

Ограничения и возможности других дискурсов содержит образ статуи Свободы из другого источника — книги известного австрийского писателя Ф. Зальтена (*Salten Felix*, 1869—1945) под названием «Пять минут Америки». Вплывая в бухту Нью-Йорка и бросив первый взгляд на “*Freiheitsstatue*”, повествователь замечает, что она выражает «пафос прошлого» (...*redet das Pathos der Vergangenheit*) [Salten 1931: 19—21]. Здесь художественный дискурс соотносится с историческим, а германистика на их границе обретает мультидисциплинарный метакомпаративный потенциал. Если «пафос прошлого» Ф. Зальтена запускает исторический дискурс, а «статуя Свободы» отсылает к американским ценностям и традициям, то Ф. Кафка акцентирует угрозу, исходящую от Америки. В руке статуя Свободы держит не факел, а меч.

Споры могут возникать и вокруг, казалось бы, вещей самоочевидных. Каковы размеры статуи? Большая она или маленькая? Очевидно, что все зависит от наблюдателя и его точки зрения.

В публицистической книге «Одноэтажная Америка» (1935—1936) Илья Ильф и Евгений Петров упоминают о леди Либерти два раза. В главе 1, которая называется «Нормандия», сказано: «Слева по борту обозначилась небольшая зеленая статуя Свободы. Потом она почему-то оказалась справа» [Ильф, Петров 2010: 16]. В 14-й главе — «Америку нельзя застать врасплох» — образ «маленькой» «зеленой» статуи повторяется. Повествователи рассуждают о рекламе в Америке. Они вспоминают: «Мы еще находились на борту “Нормандии”, и буксиры только втягивали пароход в нью-йоркскую гавань, как два предмета обратили на себя наше внимание. Один был

маленький, зеленоватый — статуя Свободы. А другой — громадный и нахальный — рекламный щит, пропагандирующий “Чуингам Ригли” — жевательную резинку» [Ильф, Петров 2010: 133].

Другая перспектива на леди Либерти представлена в книге В. Познера, И. Ургант и Б. Кана. Первое упоминание о статуе Свободы связано с рассказом авторов об «острове Эллис», Эллис-Айленд. Владимир Познер и Иван Ургант реконструируют впечатления иммигрантов, прибывавших в Нью-Йорк в восьмидесятых годах XX века. Тогда на острове Эллис располагался иммиграционный фильтровочный пункт: «На самой южной оконечности Манхэттена можно сесть на паром, который привезет вас сначала на Остров Свободы (Либерти-Айленд), где высится Леди Либерти, она же статуя Свободы, а оттуда — на Эллис» [Познер, Кан, Ургант 2011: 26].

Далее Владимир Познер и Иван Ургант начинают раскрывать символическое смысловое измерение статуи Свободы: «Очередь тех, кто желал попасть внутрь Мисс Либерти, растянулась на несколько сот метров. Мы все заметили, что американцы смотрят на эту леди влюбленными глазами, но еще не понимали, что мы являемся свидетелями лишь одного из проявлений американского патриотизма...» [Там же: 27]. В качестве разъяснения Владимир Познер и Иван Ургант приводят мнение одной известной американской киноактрисы, высказанное после 11 сентября 2011 года: «... если бы террористы взорвали статую Свободы, это было бы для нас хуже, чем то, что случилось с башнями-близнецами. Мы бы сошли с ума от горя и гнева» [Там же].

Авторы книги и фильма XXI века совершают четкое герменевтическое действие: ссылаются на собственную точку зрения американцев. В аналогичном случае Илья Ильф и Евгений Петров ограничились лишь своей собственной точкой зрения. Смешанная, гибридная перспектива, превращающая «чужое» в «свое», значительно усложняет картину, открывая дополнительные аспекты метакомпаративистики.

Отметив масштабы статуи и отдав дань ее символическому наполнению (идея американского патриотизма), походив вокруг «дамы» с факелом и отсняв «натуру», Владимир Познер и Иван Ургант «не проявили интереса к исследованию» ее внутренностей [Там же: 27—28].

Столкновение различных «ограничений» и «возможностей» видения и повествования о статуе Свободы усложняет и обогащает структуру дискурса. Дискурс предстает как процесс.

Понимание дискурса как процессуального феномена, как текста в контексте актуализирует определение известного голландского лингвиста Теуна ван Дейка: «Дискурс — это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста. <...> Речевой поток, язык в его

постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение» [Дейк 1989: 8—9]. Таким образом, статуя Свободы никогда не равна самой себе. В различных коммуникативных ситуациях леди Либерти меняется в зависимости от ситуации наблюдения, времени и местонахождения наблюдателя, момента и места наблюдения, его взглядов.

Итак, дискурс — лингвистическое и экстралингвистическое явление одновременно. Можно утверждать, что «дискурс» содержит элементы слитности самопротиворечивых частей. Представляется, что всякий дискурс наделен метакомпаративным потенциалом, если он сопоставляется с другими дискурсами, связанными при этом общим происхождением.

Диалог и конфликт разноприродных дискурсов с общей фактологической основой образует «неосинкретизм» современной культуры. Если в синкретическом единстве видов и жанров различных искусств, описанном А. Н. Веселовским, спецификация предвещала развитие различных видов искусств и их устойчивых структур, то в дискурсивном неосинкретизме в нерасчлененном виде присутствуют коммуниканты и коммуникативные ситуации.

У дискурсов всех типов совпадает структура: отправители и получатели информации, контекст, канал передачи информации, контакт, коды и шум [Якобсон 2015]. Дискурс — это перекрещивающаяся система отправляемых и получаемых сообщений, потенциально способных менять отправителей и получателей. Дискурс — это определенным образом организованный процесс коммуникации. Сопоставление процессов коммуникации в разных рядах — задача современной метакомпаративистики, исследующей культуру неосинкретизма.

Развивая и конкретизируя эти положения, можно заметить, что дискурс — это система взаимосвязанных текстов, ситуаций, событий и действующих лиц, входящих в коммуникативный ансамбль.

Все дискурсы содержат постоянные величины. Постоянные величины дискурсов — хронотоп (что-то всегда происходит где-то и когда-то), сообщение, передаваемое кем-то кому-то, действующие лица (что-то происходит всегда с кем-то), ряд кодов (кем-то где-то когда-то особым образом сообщается что-то о том, что случилось), контакт (где-то когда-то в определенный момент кто-то вступает в общение с кем-то), канал (где-то когда-то кто-то вступает в общение с кем-то каким-то определенным образом) и шум (где-то когда-то кто-то вступает в общение с кем-то каким-то определенным образом, но всегда возможны помехи при передаче информации).

Вместе с тем в названных дискурсах есть и переменные величины — конкретные действующие лица с их определенными именами, место и время (хронотоп), часто различающиеся в разных трактов-

ках. Конкретизация дискурсов, переход от анализа метаструктуры к интерпретации конкретных коммуникативных ансамблей переклюкает исследовательское внимание с постоянных величин на переменные.

Рассмотрим общеизвестный факт «Катынь», известный как феномен советской, польской, немецкой, общеевропейской и общемировой истории, политики, культуры, международного права...

В качестве объективного ядра исследуемых дискурсов можно выбрать трагические обстоятельства, связанные с расстрелом более двадцати тысяч польских офицеров весной 1940 г. в Катыни. Этот факт вошел в историю как «Катынский расстрел». Для анализа необходимо структурировать этот факт, выделив в нем:

топос — место, где произошло событие;

хронос — время, когда произошло событие;

агенс — субъекты ситуации, в случае с Катынским расстрелом — палачи;

пациенс — объекты ситуации, в случае с Катынской трагедией — жертвы.

Эти элементы можно оценить по нескольким критериям. Первый критерий связан с постоянным или переменным характером элементов. В нашем случае топос и пациенс являются постоянными, поскольку в исследуемых дискурсах топос (место трагических событий) и пациенс (жертвы расстрела — польские офицеры) отражены объективно и трудно искажаемы. С другой стороны, два оставшихся компонента могут быть определены как переменные, поскольку в зависимости от функциональной направленности (коммуникативной функции) дискурса они могут быть интерпретированы по-разному.

Известно, что расстрел польских офицеров в Катыни произошел в определенное время и определенном месте, и топоним «Катынь» — точно фиксирует место в пространстве. Если о месте расстрела споры практически не ведутся, то вопрос о времени и исполнителях остается открытым. Жертвы и место — величины постоянные. Время и организаторы расстрелов — в разных дискурсах переменные величины. Это подтверждает мысль о том, что разные дискурсы могут содержать различные интерпретации единого сюжета. Так, в различных трактовках расходятся время и исполнители «Катынского расстрела».

Рассмотрим «Катынский сюжет» в рамках метакомпаративистики. Этот сюжет представлен в историческом, политическом, юридическом, художественном дискурсах. Каждый из дискурсов обладает определенным набором признаков, описывающих «взаимоотношения» этого дискурса с реальностью.

Исторический дискурс показывает реальность с максимальной степенью достоверности (сознательно выносим за скобки случаи манипулирования исторической истиной). Достоверность исторического изложения определяется опорой на исторический факт через

описание (референцию) архивных документов, вещественных доказательств, использование свидетельств очевидцев, отсылки к мемуарам. Неслучайно важным компонентом исторического описания (анализа, изложения) является источниковая база (документы).

Взаимоотношения политического дискурса с реальностью более опосредованные и предполагают изложение версии исторического факта. Политический дискурс конструирует реальность, порождая политическую интерпретацию, порой весьма отдаленно связанную с реальным ходом событий.

Художественный дискурс «работает» с объективной реальностью «по-своему», пересоздавая исторический факт. В данном случае мы имеем дело с художественной интерпретацией.

Во всех упомянутых дискурсах не приходится говорить о зеркальном отражении реальности, да это, по сути, и невозможно. Однако для последних двух дискурсов — политического и художественного — действует принцип деформации явлений действительности, что абсолютизирует незеркальное отражение реальности как единственно возможное.

Специально отметим, что в каждом из дискурсов есть свои «зоны переходности». В художественном дискурсе есть зоны политического, в политическом дискурсе есть зоны художественного и т. д. Зоны переходности выявляются с особой ясностью при метакомпаративном подходе. Они содержат метакомпаративный потенциал, когда граница не только ограничивает, но и открывает возможности для интерпретации дискурсов.

В разных дискурсах возникают различные интерпретации. Если художник — условно свободен, а в художественном дискурсе — конструирование реализует сцепление историй, сюжетов и фигур, которые в реальности разрознены, то политик ограничен политической целесообразностью / идеологической рамкой / политической установкой / сверхзадачей. Политический дискурс конструируется с использованием правил и технологий, активно изучаемых политической наукой.

Мы наблюдаем конструирование и в политическом, и в художественном дискурсах, но конструирование дискурсов осуществляется по разным правилам, хотя генезис у них общий. Сопоставление смыслов сходных вещей в дискурсах разной природы — фундаментальный вопрос метакомпаративистики.

Конспективно проиллюстрируем высказанные положения. В результате раздела Польши (сентябрь 1939 г.) на оккупированной советскими войсками территории оказалось значительное количество польских военных, арестованных и заключенных в военные лагеря. Весной 1940 года произошли массовые убийства в основном пленных офицеров польской армии, по всей видимости осуществленные сотрудниками НКВД СССР.

Исторический дискурс, описывая реальность, обращается к архивным документам, вещественным находкам, данным различных независимых научных экспертиз (постановление Политбюро от 5 марта 1940 г., материалы экспертиз проведенной эксгумации, экспертизы извлеченных пуль и прочее). К примеру, обнаружение на месте трагедии исключительно патронов немецкого производства долгое время толковалось как аргумент в пользу версии расстрела поляков немецкими оккупантами. Однако в настоящее время исторический дискурс опирается на свидетельства и доказательства того, что такие патроны использовались в пистолетах фирм «Вальтер» и «Маузер», применявшихся сотрудниками НКВД.

Говоря о политическом дискурсе, необходимо помнить, что предназначение политического дискурса — не просто «описать (то есть не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Маслова 2008: 43—48]. Сложность политического дискурса состоит в его «множественности» — порожденных интерпретаций может быть несколько, причем их количество может со временем увеличиваться, а содержание меняться. Упомянем лишь вкратце существовавшие политические дискурсы, конструирующие сюжеты Катинской трагедии.

Одним из первых появился германский (военный) дискурс, который возник после проведения экспертизы 1943 г. и интерпретировал произошедшие в Катини события как расстрелы, произведенные НКВД весной 1940 г. Политизация дискурса позволяла выстраивать обвинительную линию поведения и использовать технологии дискредитации противника. В свою очередь, Советский Союз полностью отрицал свою причастность к происшедшему.

Конструирование советского политического дискурса относится к военному времени (начиная с декабря 1941 г.) и продолжается весь советский период. Комиссия Николая Бурденко (1944 г.), проведя экспертизу, заключила, что польские военные были расстреляны в Катини в 1941 г. немецкими оккупационными войсками. Это заключение легло в основу официальной точки зрения в СССР и странах Варшавского договора вплоть до 1990 г. Так, мы наблюдаем конструирование дискурса в части хроноса при полном сопадении топосов, а также конструирование агенса (виновников трагедии).

Конструирование польского политического дискурса осложнялось отсылками к «новой» Польше и «старой» Польше. «Новая» Польша воссоздавала советский политический дискурс, в то время как «старая» Польша транслировала иную (оппозиционную) точку зрения.

В 1990 г. появляется собственно российский политический дискурс о Катинской трагедии, появляются официальные тексты о вине НКВД, хронотоп отодвигается с 1941 г. в 1940-й. 26 ноября 2010 г. Госдума России приняла заявление «О Катинской трагедии и ее

жертвах». Российский политический дискурс сблизился с историческим дискурсом.

Примером художественного дискурса является фильм Анджея Вайды «Катынь». Литературная основа фильма — повесть Анджея Мулярчика «Post Mortem — Катынская повесть» (лат. *Post Mortem* 'после смерти').

Художественный дискурс потенциален, динамичен, неустойчив (диссипативен). Он совершает акт «обратного перевода», рассматривая факты в аспекте возможности. Следовательно, интерпретация ряда событий подразумевает их возвращение в сферу динамики и процессуальности. Снятие материальной завершенности и окончательности есть не что иное, как диалогизация процесса. Превращение исторического ряда в художественный дискурс отменяет всевластие общеизвестных фактов, открывая потенциальность истории. В основе художественного дискурса, как правило, лежит сдвиг, смещение, деформация чего-то данного и общеизвестного. Художественная информация возникает как результат смещения, сдвига.

Доминантная коммуникативная функция художественного дискурса может быть определена как экспрессивно-прогностическая. Любой элемент художественного дискурса может подвергнуться символизации, выступить частью, замещающей целое. Такова, например, разбитая могильная плита в фильме А. Вайды «Катынь» (2006—2007), которую героиня по имени Агнешка привозит на кладбище и устанавливает в память о брате Петре, польском пилоте. «За кадром» остаются споры историков о датировке Катынского расстрела: апрель 1940-го или июнь 1941-го? Принципиальное расхождение польского, немецкого и советского исторических и политических дискурсов выступает как зона построения художественного дискурса в фильме А. Вайды «Катынь».

Польская точка зрения на Катынский дискурс в плане хронотопа (времени-пространства) совпадает с немецкой. Генезис этого дискурса польский режиссер А. Вайда истолковывает иначе, нежели история и медицина Третьего рейха. Однако место, время и действующие лица в этих трактовках совпадают. Польская историография рассматривает в одном ряду фашизм и сталинизм. Гитлер и Сталин — агрессоры, с разных сторон напавшие на Польшу. Генезис Катынского дискурса выступает как его интерпретация.

Система сопоставимых дискурсов, возникающих на основе общего сюжета, по самой своей природе метакомпаративна. Метакомпаративистика при этом предстает как методология, направленная на сопоставление дискурсов разного типа. Объектом сопоставления являются доминантные коммуникативные функции различных дискурсов. Зоны несовпадений разнонаправленных исторического и политического дискурсов могут порождать зазоры, расхождения, ограничения. Художественный дискурс о Катыни или статуе Свободы возникает в зонах смысловой неопределенности, нелинейности,

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА
Ежегодник Российского союза германистов

Том XIII

Корректор О. Круподер
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой
Художественное оформление переплета О. Максимовой

Подписано в печать 10.10.2016. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,5. Тираж 500. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4